

Индигенный сепаратизм в Арктической зоне России как фактор риска национальной безопасности

Андрей Юрьевич Чемашкин,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и корпоративного управления Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, Сыктывкар.
E-mail: andrey.chemashkin@gmail.com

Ариф Пирвели оглы Шихвердиев,

доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, заведующий кафедрой экономической теории и корпоративного управления Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, Сыктывкар.
E-mail: shikverdiev@yandex.ru

Арктическая зона Российской Федерации (АЗ РФ) характеризуется относительным благополучием и отсутствием явных этнических конфликтов. Однако при повышении международной значимости Арктического макрорегиона проекты по дестабилизации устойчивости АЗ РФ путём направленного инспирирования и усиления регионалистских и сепаратистских тенденций могут привлекать внимание акторов, чьи интересы конкурируют с национальными интересами России. Стратегией национальной безопасности Российской Федерации в том числе предусмотрены действия по предупреждению и нейтрализации социальных, межконфессиональных и межнациональных конфликтов, сепаратистских проявлений, что обуславливает необходимость теоретической разработки соответствующих мер. Цель работы состоит в изучении конфликтного потенциала индигенного регионализма в АЗ РФ. Реализация намеченных задач достигается посредством общенаучных методов анализа литературы по проблеме исследования, обобщения, сравнения и систематизации эмпирических и теоретических данных. В статье рассмотрены социально-экономические основы возникновения и развития проектов регионализма в российской Арктике, а также определены их отличительные особенности: паннационалистический (трансграничный) характер, искусственность соответствующих концепций, наличие мотивированных местных активистов, заинтересованных в политизации этничности. Нарративы индигенного регионализма и сепаратизма могут быть инициированы практически на любой территории, где для этого есть соответствующая социально-экономическая среда вне зависимости от её этнической конфигурации. В настоящее время экспертами фиксируются попытки «мягко-силового» воздействия на локальные и нетитульные сообщества российской Арктики,

предпринимаемые отдельными акторами. Реактивное (компенсирующее) противодействие подобным мерам и негативным тенденциям регионализма и сепаратизма обуславливает необходимость отвлечения существенных государственных ресурсов, чем могут пользоваться конкурирующие акторы для создания угроз национальной безопасности России. Работа содержит ряд практических рекомендаций для реализации государственной политики и обеспечения национальной безопасности в Арктике.

Ключевые слова: Арктика, Русский Север, регионализм, сепаратизм, национализм, мягкая сила, государственное управление, human terrain system.

Indigenous Separatism in the Russian Arctic as a Risk Factor for National Security.

Andrey Chemashkin, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia.

E-mail: andrey.chemashkin@gmail.com.

Arif Shikhverdiev, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia.

E-mail: shikhverdiev@yandex.ru.

The Arctic Zone of the Russian Federation is a region which is characterized by relative well-being and the absence of obvious ethnic conflicts. However, with the increase of international importance of the Arctic macroregion, the projects on destabilization the Arctic Zone of the Russian Federation through the targeted instigation and strengthening of regionalist and separatist tendencies may attract attention of the actors whose interests compete with the national interests of Russia. The National Security Strategy of the Russian Federation includes prevention and neutralization of social, interconfessional and interethnic conflicts and separatist manifestations that requires the theoretical development of appropriate measures. The aim of the work is to study the conflict potential of indigenous regionalism in the Arctic Zone of the Russian Federation. The implementation of the intended objectives is achieved by means of general scientific methods of literature analysis on the problem of research, generalization, comparison and systematization of empirical and theoretical data. The paper considers socio-economic foundations of the emergence and development of regionalism projects in the Russian Arctic and identifies their distinctive features: pan-nationalist (transboundary) nature, artificiality of the relevant concepts, the presence of motivated local activists interested in the politicization of ethnicity. The narratives of indigenous regionalism and separatism can be initiated in almost any territory where there is an appropriate socio-economic environment regardless of its ethnic configuration. Currently, the experts are recording the attempts of “soft-power” influence on local and non-titular communities of the Russian Arctic undertaken by individual actors. Reactive (compensatory) counteraction to such measures and negative trends of regionalism and separatism makes it necessary to divert substantial state resources that can be used by competing actors to create threats to Russia’s national security. The paper contains practical recommendations for the implementation of state policy and ensuring national security in the Arctic.

Keywords: Arctic, Russian North, regionalism, separatism, nationalism, soft power, public administration, human terrain system.

В настоящее время Арктическая зона Российской Федерации (АЗ РФ) не входит в число «горячих точек» по уровню этнонациональной напряжённости. Фокус государственной национальной политики в макрорегионе скорее направлен на поддержание существующего уровня межнационального согласия.

С точки зрения внешней политики уровень рисков, порождаемых этническим фактором, существенно уступает параметрам рисков, обусловленных географическим, военным, экономическим факторами, более значимо влияющими на процессы устойчивого развития макрорегиона. Так, доля этнического фактора составляет всего 3%, в то время как на географический, военный и экономический приходится соответственно 30%, 21% и 18% в совокупном удельном весе оцениваемых экспертами геополитических факторов [33, с. 112].

Регионалистские и этнодвижения, имеющие потенциал перерождения в сепаратистские течения, в АЗ РФ находятся на политической периферии. За годы их существования в истории современной России наблюдался как всплеск интереса к подобным концепциям в начале 1990-х гг., связанный с распадом СССР и последовавшим за ним «парадом суверенитетов», так и его последующее угасание по причинам политической недееспособности таких этнодвижений. В работе В. Владимировой [8] отмечается вызывающая общественную критику мобилизация национальными активистами своей индигенной этничности как материального ресурса с целью заработка из средств специализированных, как правило, зарубежных организаций, поддерживающих этническое самосознание и культуру индигенных этносообществ. Подобного мнения придерживаются авторы работы «Русский Север в исторической динамике: разрушение проекта культурной кладовой русского народа и современный кризис этнического национализма»: «этнические активисты не копают колодцев в национальных сёлах, не создают группы по изучению языков, не ведут сбор средств для оказания помощи своим малоимущим соплеменникам, не наполняют информацией формально существующие сайты организаций и т.д. Единственной формой их реальной деятельности остаётся участие в конференциях, съездах народов или всемирных конгрессах» [40, с. 142].

На состояние межнациональных отношений в АЗ РФ влияет и национальный состав соответствующих регионов: численность индигенных этнических групп является абсолютным меньшинством во всех регионах АЗ РФ. Так, например, удельный вес коренных малочисленных народов в общей численности населения в АЗ РФ составил 4,1% в целом, колеблясь в диапазоне от 0,2% (Мурманская обл.) до 31,3% (Чукотский АО) [23, с. 46].

Таким образом, уровень политического влияния регионалистских и этнодвижений крайне незначителен.

Вместе с тем проекты регионализма, направленные на усиление индигенных идентичностей в российской Арктике, действуют регулярно не с самого распада СССР. Несмотря на наблюдаемые в них внутренние

противоречия, они сохраняют скрытый конфликтный потенциал, который в случае нарастания кризисных социально-экономических явлений и ошибок государственного управления может быть реализован в виде этнополитических и сепаратистских вызовов, что может повлечь угрозы национальной безопасности России.

В целях разработки подходов к профилактике усиления деструктивных тенденций в регионалистских проектах необходим тщательный анализ условий их развития, учитывающий как социально-экономические предпосылки, так и характер усилий конкурирующих акторов. Проведение подобного исследования возможно путём изучения существующих проектов индигенного регионализма в АЗ РФ, выявления их общих признаков, анализа рисков реализации их конфликтного потенциала под влиянием системных конкурентов России.

В настоящей работе предпринята попытка проведения на основании имеющихся в научной литературе и СМИ сведений обзора представленных в АЗ РФ современных регионалистских проектов, а также выявления их общих признаков с точки зрения подверженности «мягкосиловому» воздействию. Это позволит оценить риски для национальной безопасности, которые может повлечь реализация их скрытого конфликтного потенциала в случае нарастания кризисных социально-экономических явлений.

Ослабление национальной общности и общенациональной (русской, русской) идентичности, которое лежит в основе любого сепаратистского проекта, характеризуется отложенными эффектами и может приводить к кризисам спустя долгие годы. В истории России можно обнаружить примеры, в некоторой степени иллюстрирующие негативные последствия реализации конфликтного потенциала регионализма спустя сравнительно длительный период. Показательной может считаться идеологически обусловленная политика коренизации, проводимая большевистским режимом в самом начале становления СССР и направленная на форсированное создание и усиление национальных идентичностей без учёта фактического национального состава и объективных условий в том или ином регионе. Несмотря на относительно быстрое сворачивание в конце 1930-х гг., одним из её отложенных последствий стало отделение в начале 1990-х гг. ряда национальных окраин в виде самостоятельных государств. Представляется, что итоги подобной этнополитики, проводимой в прошлом и определившей во многом современную территориально-административную структуру России, влияют на процессы, протекающие в индигенных сообществах и сегодня. Более того, несовершенство современной административно-территориальной структуры РФ, унаследованной от СССР, влекущее за собой определённые риски для целостности страны, отмечается на высшем уровне государственного управления [26].

Кардинальная трансформация политических, экономических и социальных институтов в России в начале 1990-х гг. привела к кризису

и фрагментации общенациональной идентичности, а также к взрывному росту локальных идентичностей и появлению новых социально-этнических групп, отдающих приоритет локальным ценностям и интересам. Подобные явления приводят к ухудшению социального самочувствия, миграционному оттоку населения, «раздроблению» территориального сообщества, что может сказаться на общем состоянии регионов и привести к архаизации моделей социально-экономического развития, нарастанию кризисных и конфликтных явлений [32].

В настоящее время диапазон проектов регионализма, в концептуальной основе которых лежит некое противопоставление своей индигенной идентичности титульному большинству, достаточно широк и представлен фактически во всех регионах АЗ РФ.

Вполне открыто реализуются проекты «трансграничной северной идентичности» («поморство») в Архангельской области [22; 38]. Рядом авторов отмечается её псевдонаучность и деструктивный характер [13; 19; 29].

Определённое беспокойство экспертов вызывает дискуссия вокруг концепции «арктической циркумполярной цивилизации», претендующей на панарктический охват [11]. Предложенная В. Винокуровой идея спровоцировала достаточно эмоциональные обсуждения в экспертных кругах [7]. Ряд исследователей оценил культурную значимость данной концепции, прочие предприняли попытки деконструкции её основных положений, видя в них угрозы, подрывающие целостность общенациональной идентичности. Факт наличия и острота подобных дискуссий указывают на высокий конфликтный потенциал указанной концепции уже на этапе её становления.

Соответствующие проекты реализуются в Мурманской области в рамках пансаамского движения («Саамская республика») [8; 19]. При этом В. Владимировой в ходе соответствующего исследования сделан примечательный вывод о том, что на индигенную культуру саамов гораздо большее трансформирующее воздействие оказывают принципы мультикультурализма, которые неизменно привносятся акторами, формально борющимися за сохранение индигенной идентичности.

Карелия, Коми, а также ряд других субъектов Российской Федерации, не относящихся к АЗ РФ (Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Ханты-Мансийский округ), входят в ареал концепций панфинно-угризма («Финно-угорский мир») [15; 19; 35; 42]. При этом исследователями фиксируется наличие противоречий внутри финно-угорских регионалистских проектов. Например, в Республике Коми наблюдается некоторое противопоставление локального коми-ижемского и коми движений [38]. Аналогичные процессы отмечаются в Мордовии и Республике Марий Эл, что может свидетельствовать о некоторой универсальности тенденций, происходящих внутри этнорегионалистских движений. Однако, несмотря на наличие внутренних противоречий в этнодвижениях Республики Коми,

на фоне кризисных явлений в экономике региона участились агрессивные проявления индигенного регионализма. Так, в последние годы здесь наблюдаются публичные языковые скандалы [31]; экологические протесты, риторика которых стремительно приобретает зачастую сепаратистское звучание [24]; использование сепаратистской риторики и символики в рамках предвыборной борьбы политическими партиями [5; 6].

Аналитический интерес представляют собой случаи проявления локалистских настроений на юге Архангельской и части Вологодской областей («Важский край»). Данный проект, как и многие подобные, возник в начале XX в., был жёстко подавлен органами НКВД, однако стал возрождаться в конце 1980-х гг. [39]. Указанный проект примечателен тем, что, не имея ярко выраженной этнической направленности, тем не менее нацелен на культивирование локальной идентичности в некотором противопоставлении её идентичностям общерегиональной и общенациональной, что также обуславливает её скрытый конфликтный потенциал. Отметим, что аналогичные проекты, направленные на этническую реидентификацию локальных и региональных сообществ в виде вновь сконструированных идентичностей, наблюдаются также за пределами АЗ РФ [13; 27; 39]. Проекты, целью которых является фрагментация общенациональной идентичности, встречаются повсеместно вне зависимости от этнического состава конкретного региона. Зачастую они политически маргинальны или замаскированы под культурные или краеведческие инициативы, однако это не отменяет возможности их использования системными конкурентами России, что может рассматриваться как фактор риска национальной безопасности.

Большинство указанных проектов объединяет ряд сходных характерных признаков.

Паннационалистический характер. Многие проекты регионализма в своей риторике ориентированы на воссоединение разделённых государственными или территориально-административными границами индигенных сообществ через последовательные политические усилия (в том числе с применением риторики об объединении разделённых наций). Защита интересов таких сообществ в пределах всего ареала их расселения зачастую входит в перечень официальных целей и задач специализированных трансграничных организаций. В рамках соответствующего горизонтального взаимодействия представителей индигенных сообществ из разных стран, а также на платформах соответствующих организаций вырабатываются единые нарративы влияния на государственную политику, поступает необходимая материальная поддержка. В подобных условиях формируется развитая экосистема горизонтального взаимодействия национальных активистов, что усиливает результативность влияния на государственные институты. Паннационалистический характер многих регионалистских проектов с точки зрения подверженности «мягкосиловому»

воздействию системных конкурентов России в макрорегионе обуславливает высокие риски конструирования в этнополитических движениях деструктивных нарративов, в том числе направленных на сепаратистскую деятельность. Более того, как отмечено выше, под вывеской защиты интересов индигенных групп может осуществляться культивирование мировоззренческих систем (например, мультикультурализм, космополитизм и т.д.), ещё более кардинально трансформирующих их привычный уклад, чем, к примеру, «московский колониализм», борьба с которым декларируется соответствующими движениями. В данном контексте интересна тенденция поддержки регионалистских и сепаратистских нарративов аффилированными с зарубежными акторами информационными ресурсами, активно продвигающими в России нехарактерные поведенческие и ценностные установки [16].

Искусственный характер конструируемых идентичностей. Экспертами отмечается высокая подвижность самоопределяемой идентичности в локальных сообществах в зависимости социально-экономических условий. В работе «Локальная группа в поиске идентичности (коми-ижемцы: динамика культурных трансформаций)», ситуация быстрой и многократной смены понимания своего культурного тождества с группой за короткий промежуток времени ёмко определена как «качели идентичности» [18]. В этих условиях высокой эффективностью может обладать конструктивистский подход к формированию региональной и локальной идентичности как непрерывно изменяющегося конструкта, который может создаваться и дополняться заинтересованными акторами путём целенаправленных усилий в случае наличия исторических (или псевдоисторических и квазинаучных) и культурных предпосылок [4]. Следовательно, новые проекты индигенного регионализма с различной степенью радикальности могут развиваться повсеместно, где возникает соответствующий социально-экономический базис. При этом «рукотворность» подобных конструктов не снижает их реального потенциала по воздействию на государственную политику. Как показывает исторический опыт России по проведению упомянутой политики коренизации в СССР, при совместных усилиях государства и локальных экономических и интеллектуальных элит формирование и развитие индигенной идентичности может осуществляться за сравнительно небольшой временной период. В работе А.А. Борисова [3] приведён пример форсированного конструирования якутской идентичности (нациестроительства) за менее чем 20 лет в период с 1922 г. по конец 1930-х гг. Инициированные процессы укрепления созданной идентичности не прекратились по мере сворачивания коренизации и усечения национальной автономии и продолжили своё развитие практически бесконтрольно.

Наличие местных активистов, заинтересованных во фрагментации общенациональной идентичности. Политизация этничности (в том числе

искусственно сконструированной) является действенным инструментом в борьбе за экономические ресурсы и властные полномочия по их распределению. Как правило, местные элитные группы, включая городскую интеллигенцию, могут прибегать к подобному инструментарию с целью улучшения своих позиций в отношениях с руководящим центром при нарастании кризисных социально-экономических явлений и снижении качества государственного управления на территории. Зачастую культивирование местными элитными группами индигенной идентичности является своего рода сигналом федеральному центру о несогласии с проводимой в отношении региона политикой [27]. Такие противоречия также могут представлять собой интерес для конкурирующих акторов, заинтересованных в отвлечении ресурсов системных оппонентов на решение внутренних проблем. Примечательно, что зачастую важными субъектами индигенного регионализма оказываются сотрудники образовательных и научных организаций [25]. Например, отличительной чертой стратегии Норвегии в Арктике в дополнение к экономическому освоению региона является стремление обеспечить идеологическое доминирование. В целях индоктринации представителей местных сообществ соответствующими нарративами в числе прочего активно предпринимаются попытки переосмысления истории региона с включением соответствующих положений в образовательные программы учебных заведений [9], применяются обменные программы для студентов и учёных из России в вузах Северной Норвегии, учреждена специальная Стипендия северных регионов [33]. Упомянутое движение «поморства» отчасти также является продуктом деятельности норвежского Института оборонных исследований по развитию «асимметричного соседства» на почве, подготовленной местными активистами [22].

Таким образом, несмотря на скрытый характер, конфликтный потенциал проектов индигенного регионализма и нарративов сепаратизма вполне может быть реализован в виде реформатирования этнодвижений в более радикальные течения по мере нарастания кризисных социально-экономических явлений. Данное обстоятельство обуславливает возможную заинтересованность системных конкурентов России в целенаправленной поддержке подобных движений в АЗ РФ и подготовке их трансформации в потенциально сепаратистские, что является фактором угрозы для национальной безопасности.

Так, отдельные европейские государства (Венгрия, Эстония, Финляндия) активно поддерживают панфинно-угорские организации, действующие в регионах России начиная с 1998 г. [15; 35]. Целенаправленная деятельность Европейского союза (ЕС) по реализации «мягкой силы», оформленной как научно-экологическое сотрудничество и поддержка индигенных сообществ в Арктическом макрорегионе, прослеживается с 1999 г. Соответствующие нарративы, практически не встречая

серьёзного сопротивления, развивались во взаимодействии с местными этноактивистами более 20 лет, находили отражение в положениях стратегических и программных документов ЕС, постоянно дополняясь и углубляясь [22]. Последовательная актуализация нарративов Евросоюза в отношении Арктического макрорегиона отражена в его недавнем обращении «Более активное участие ЕС во имя мирной, устойчивой и процветающей Арктики» [45], предусматривающем активное вовлечение в процесс принятия решений «женщин, молодёжи и представителей коренных народов», а также устойчивое развитие Арктики, реализацию научно-образовательных проектов и решение климатических проблем. Акцент на интересах указанных групп предполагает применение комплекса «мягкосиловых» мер для непосредственного воздействия на локальные сообщества посредством выстраивания информационных формальных и неформальных сетей (экосистем) культурно-пропагандистской направленности. Это позволит транслировать необходимые нарративы, легко минуя государственные границы. Декларируемая научно-образовательная и эколого-климатическая направленность документа является маскирующим «мягкосиловое» воздействие инструментом.

Созвучны с «мягкосиловым» воздействием на противника анонсированные сравнительно недавно в США концепции «многосферных операций» («Multi-Domain Operations») [48] и «всесферного контроля» («Combined Joint All-Domain Command and Control») [47; 43], предполагающие возможность использования протестного потенциала локальных движений внутри страны-оппонента, включая экстремистские, сепаратистские и повстанческие организации [36].

Нельзя не отметить параллельно продолжающуюся интенсификацию военного присутствия ключевых акторов в Арктике. Наряду с регулярными военными учениями стран НАТО в последние годы (например, Trident Juncture в 2018 г.; Thunder Bolt [10] и Thunder Cloud [44] в 2021 г.), в сентябре 2021 г. Министерством обороны США создан Центр исследований безопасности в Арктике имени Теда Стивенса, призванный обеспечить научно-аналитическое сопровождение милитаризации данного региона силами США и их союзников [49].

Российские специализированные ведомства традиционно более ориентированы на тщательный анализ военных и экономических факторов либо на реактивное подавление деятельности радикальных национальных активистов. Несколько более умозрительно-гуманитарные сферы информационной безопасности в части проактивного смыслообразования, контрпропаганды и противодействия вредоносным нарративам, «мягкой силы» и «гибридных угроз», а также мониторинга скрытого конфликтного потенциала в этнополитике и соответствующей профилактики остаются скорее на периферии их задач. В то же время необходимость повышения качества экспертно-аналитического сопровождения государственной

политики в указанных сферах начинает осознаваться. Так, для решения соответствующих задач предложено создание межведомственного специализированного Научно-образовательного центра гуманитарных технологий при Министерстве обороны РФ [17].

Таким образом, сложившийся подход к анализу этнополитических рисков в АЗ РФ, недооценка их отложенного действия и скрытого конфликтного потенциала привели в некоторой степени к бесконтрольному развитию идей индигенного регионализма в макрорегионе, которое сопровождалось поддержкой системных конкурентов России, формально направленной на защиту прав представителей локальных групп.

В то же время информационно-психологические манипуляции стран-конкурентов России ещё шире представлены в информационном пространстве по линии нарративов, выдвигающих на первый план экономические проблемы, в том числе за счёт попыток воздействия на мировую общественность с целью дискредитации действий России в АЗ РФ, критики крупных российских корпораций, ведущих хозяйственную деятельность в макрорегионе, попыток пересмотра базовых условий соглашений, регулирующих хозяйственную деятельность в Арктике, и принуждения к отказу от их применения [14].

Подобное стремление информационно влиять на действия России в Арктике накладывается на объективно непростую социально-экономическую ситуацию в АЗ РФ. Так, в регионе наблюдается тенденция депопуляции вследствие завершения циклов освоения природных ресурсов и низкого качества жизни [12; 30]. Отмечаются следующие негативные явления в экономике российской Арктики за истёкшие 25–30 лет:

- резкое ослабление экономических связей с прочими регионами страны, а также разрушение многих кооперационных внутриотраслевых связей;
- высокая концентрация региональных экономик вокруг минерально-сырьевых проектов, реализуемых крупными компаниями (как правило, с государственным участием), а также неоптимальная (узкая) структура региональных экономик АЗ РФ;
- недостаточный уровень развития малого и среднего бизнеса, а также его высокая зависимость от мер государственной поддержки [41, с. 11].

В качестве основных причин негативных социально-экономических явлений в АЗ РФ указываются недостаточная эффективность, модели управления экономическим развитием макрорегиона, её чрезмерная иерархичность, узкая «сырьевая» специализация и «рентоориентированность», отсутствие однозначного теоретического решения задачи по выбору рациональной экономической структуры северных регионов [41, с. 66], нехватка положительного зарубежного опыта по вовлечению коренных жителей в экономическую деятельность [41, с. 74], а также противоречивый характер проблемы определения экономического статуса коренных

жителей макрорегиона и параметров их вклада в развитие территории относительно «пришлого» населения [41, с. 75].

В работе В.Е. Болдырева [2] на примере процессов, происходящих в индигенных сообществах Севера Канады, отмечено, что в ходе развития их взаимоотношений с влиятельными игроками локальных экономик (федеральный центр, крупный сырьевой бизнес и т.д.) могут развиваться сети социального взаимодействия, трансформирующие первичные организационные структуры индигенных групп (общины) в институты современного общества для защиты своих интересов. Более того, на указанном примере продемонстрированы риски нарастания конфликтного варианта подобных взаимоотношений в регионах со слабой экономической диверсификацией.

Таким образом, сложные социально-экономические условия российской Арктики могут способствовать повышению активности индигенных и нетитульных сообществ в части оказания ими общественного и информационного давления на хозяйствующие субъекты региональных экономик, на государственные органы для защиты своих экономических интересов с применением инструментов политизации собственной этничности и экологической риторики. В указанных условиях эффективность усилий акторов, заинтересованных в реализации конфликтного потенциала этнорегионалистских и сепаратистских проектов в АЗ РФ, может существенно повышаться и становиться угрозой национальной безопасности.

Таким образом, можно резюмировать:

- нарративы регионализма и сепаратизма, как правило, обладают деструктивной направленностью, основаны на противопоставлении себя более крупным идентичностям, ориентированы на их эрозию и фрагментацию;
- проекты по культивированию радикального регионализма и сепаратизма, несмотря на маргинальный статус, характеризуются скрытым конфликтным потенциалом и могут представлять интерес для конкурирующих акторов в качестве объекта для целенаправленных усилий по дестабилизации социальной ситуации в АЗ РФ и отвлечения ресурсов России от прочих направлений государственной политики. Повышающийся уровень внешнеполитической конфронтации России по иным векторам деятельности может повлечь за собой усиление мер стран-конкурентов по воздействию на индигенные и нетитульные сообщества для повышения уровня конфликтности в российской Арктике [34];
- проекты регионализма и сепаратизма в АЗ РФ не имеют широкого круга сторонников и находятся на политической периферии, однако по мере нарастания кризисных социально-экономических тенденций вполне масштабируемы в любом регионе вне зависимости от его этнического состава;

- проекты регионализма и сепаратизма в АЗ РФ зачастую носят пан-националистический характер, что повышает эффективность мер заинтересованных акторов по инспирированию подобных инициатив с применением конструктивистского подхода к проектированию идентичностей (при условии наличия заинтересованности в политизации этничности со стороны местных экономических и интеллектуальных элит). При этом вновь сконструированные идентичности не подлежат окончательной деконструкции и могут быть реанимированы в любой момент при наличии соответствующих предпосылок;
- проекты регионализма и сепаратизма характеризуются системностью и длительностью реализации, ориентированы преимущественно на молодое поколение путём его постепенной индоктринации через образовательные системы и аффилированные сетевые структуры, включающие СМИ, НКО, диаспоры и т.д. (т.е. могут иметь отложенный эффект спустя годы). Кроме того, через поддержку подобных проектов параллельно осуществляется индоктринация целевых аудиторий конкурирующими мировоззренческими системами, кардинально трансформирующими привычный уклад индигенных сообществ.

В целях снижения рисков наступления негативных последствий от развития проектов регионализма и сепаратизма, а также для обеспечения национальной безопасности в АЗ РФ может быть рекомендована актуализация применяемых подходов комплексной государственной политики в макрорегионе, а именно принятие единовременных мер по:

- гармонизации региональной экономической политики, учитывающей невозможность одномоментного ухода от сырьевой ориентации экономик отдельных территорий АЗ РФ и предусматривающей внедрение гибких моделей перераспределения «природной ренты» между регионами и федеральным центром, ориентированных на инвестиционное развитие первых, в том числе последовательное вовлечение представителей индигенных сообществ в экономические отношения современного уклада;
- децентрализации публичного управления и публичной дипломатии, а также использованию системы косвенного управления, успешно применявшейся в отношении коренных народов в Российской империи и СССР (по мере сворачивания политики коренизации) [3]. «Не столько „управление разнообразием“, сколько „управление через разнообразие“» [28, с. 71];
- индивидуализации и антропологизации подходов к взаимодействию с индигенными сообществами, основанных на разработке и адаптации существующих научно верифицированных методик. Адаптация лучших мировых практик к государственному регулированию межнациональных отношений в АЗ РФ. Так, экспертной разработки для

- оценки применимости в условиях российской Арктики может заслуживать инструментарий военной антропологии. Например, концепция «Human Terrain System», когда наряду с военными специалистами в зоне локального конфликта работают группы антропологов и социологов, применялась вооружёнными силами США при работе с местным населением для минимизации рисков, обусловленных недооценкой объективной этнокультурной конфигурации в местах проведения войсковых операций и дислоцирования контингента [1]. В США применение указанной концепции было сопряжено с острой дискуссией в научном сообществе, поскольку ряд учёных указал на её этическую противоречивость, несмотря на общую эффективность в снижении военных потерь [46]. Адаптация подобного инструментария к реализации внутривнутриполитических мер в условиях АЗ РФ может приводить к минимизации потенциальной межэтнической конфликтности;
- разработке систем «нарративного управления» и «нарративного паритета», т.е. проактивного конструирования конкурентоспособных нарративов (мировоззренческих и ценностных систем, подкреплённых реальными экономическими и политическими достижениями), а также оперативной деконструкции конкурирующих и деструктивных нарративов и мифологем в общественном сознании. Указанные модели могут быть ориентированы на распространение через собственную информационную экосистему среди целевых аудиторий, в том числе за пределами России («навязывание повестки» конкурирующим акторам в целях снижения остроты противодействия в собственном информационном пространстве). При этом представляется, что окончательная деконструкция конкурирующих нарративов не достижима, что обуславливает необходимость обеспечения соответствующего паритета;
 - культивированию концепций, которые не были дискредитированы ранее и направлены на усиление общенациональной идентичности и противодействие её фрагментации [37; 40, с. 143];
 - разработке мер по преодолению последствий неоптимального административно-территориального деления России, а также по мониторингу и профилактике соответствующих этнополитических рисков, в том числе противодействие геттоизации нетитульных сообществ в макрорегионе [20; 21];
 - соответствующей коррекции практик специализированных ведомств для профилактики трансформации проектов регионализма в деструктивные и сепаратистские движения. При этом указанные практики не должны быть направлены на механическое подавление носителей конкурирующих нарративов, а также на противодействие культурному, научному и экономическому обмену с зарубежными сообществами.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бажуков В.И., Безлепкин Н.И. Военная антропология в системе военного управления // Социально-гуманитарные аспекты военного управления: сб. науч. ст. / под ред. И.И. Соколовой. СПб.: ООО «Издательство ВВМ», 2020. С. 7—17.
2. Болдырев В.Е. Сети социального взаимодействия и современное развитие канадского Севера // Россия и АТР. 2018. № 2 (100). С. 118—132.
3. Борисов А.А. Исторический опыт нациестроительства в Якутии (1922 — конец 1930-х гг.) // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 1. С. 214—232.
4. Бурнашева Д.В. Арктическая идентичность в контексте методологии конструктивизма // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6. № 5А. С. 70—77.
5. В Республике Коми вырастили регионального фюрера. 09.08.2021. URL: <https://www.eg.ru/politics/1291759-v-respublike-komi-vyrastili-regionalnogo-fyurera/> (дата обращения: 25.08.2021).
6. В Удмуртии в рекламе КПРФ заподозрили сепаратизм. 24.08.2021. URL: <https://vz.ru/news/2021/8/24/1115294.html> (дата обращения: 25.08.2021).
7. Винокурова У.А. Прогнозные сценарии Арктической циркумполярной цивилизации. Образование и право. 2017. № 6. С. 277—289.
8. Владимирова В. Транснациональные индигенные организации, либеральный мультикультурализм и нарративы об «индигенном сепаратизме» на Севере России // Сибирские исторические исследования. 2015. № 1. С. 23—56.
9. Война за Арктику: Кто и зачем убеждает поморов в том, что они коренные норвежцы. 07.09.2015. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/46307-voina-za-arktiku-kto-i-zachem-ubezhdaet-pomorov-v-tom-chto-oni-korennye-norvezhtsy> (дата обращения: 25.08.2021).
10. Всесферные американские учения в Норвегии. 02.10.2021. URL: <https://andrej-kraft.livejournal.com/260935.html> (дата обращения: 21.01.2022).
11. Гаврилов О.Ю. Состояние и перспективы развития системы региональной безопасности в Арктике // Военная мысль. 2019. № 6. С. 34—49.
12. Данилова Е.В. Население Российской Арктики: численность, процессы, прогнозы // Инновации и инвестиции. 2020. № 12. С. 260—265.
13. Егоркин В.Г. Поморское движение как одно из направлений этнической реидентификации на Русском Севере // Общество. Среда. Развитие. 2010. № 4 (17). С. 185—191.
14. Еремчев П.А. Роль и значение информационно-психологического воздействия в обеспечении государственных интересов России в арктическом регионе // Морской сборник. 2021. № 10 (2095). С. 55—59.
15. Иванов В.В. Национал-сепаратизм в финно-угорских республиках РФ и зарубежный фактор // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 6 (21). С. 95—110.
16. Издание «7x7» щедро финансируют из-за рубежа для пропаганды ЛГБТ. 15.02.2021. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/802714-izdanie-7x7-shchedro-finansiruiut-iz-za-rubezha-dlia-propagandy-lgbt-v-rf> (дата обращения: 25.08.2021).
17. Ильницкий А.М. Обеспечение интеллектуального лидерства — основа национальной безопасности // Военная мысль. 2021. № 1. С. 6—21.
18. Ким Х.Ч., Шаббаев Ю.П., Истомин К.В. Локальная группа в поиске идентичности (коми-ижемцы: динамика культурных трансформаций) // Социологические исследования. 2015. № 8 (376). С. 85—92.

19. Кристаллинский Л.Б. Геополитический аспект влияния этнической специфики пограничного пространства на государственную безопасность России // *Пространство и Время*. 2015. № 3 (21). С. 242—248.
20. Кузнецов С.В., Межевич Н.М., Эйдемиллер К.Ю. Прогнозирование динамики развития и трансформации мусульманского населения Севера России и Арктической зоны РФ: к постановке вопроса // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2019. № 2 (64). С. 37—50.
21. Кулик С.В., Эйдемиллер К.Ю. К вопросу об исламском регионализме в Арктической зоне РФ // *Арктика: история и современность: труды междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 20—21 апреля 2016 г.* СПб.: ООО Издательский дом «Наука», 2016. С. 89—96.
22. Лабецкая Е.О. Россия—ЕС: «soft-power risks» в евразийско-арктическом контексте // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 9. С. 112—120.
23. *Международные отношения в Арктике. Учеб.-метод. материалы № 3/2017 / Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2017. 76 с.*
24. Не смотреть в рот Московии и ЕдРосовской своре. 07.06.2019. URL: <https://region.expert/dorjam/> (дата обращения: 25.08.2021).
25. Норвежская мягкая сила в борьбе за Арктику: как «баренцы» меняют в свою пользу будущее. 10.09.2015. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2015/09/10/norvezhskaya-myagkaya-sila-v-borbe-za-arktiku-kak-barency-menyayut-v-svoyu-polzu-budushchee> (дата обращения: 25.08.2021).
26. Путин считает, что Ленин «заложил мину» под государственность России. 10.12.2019. URL: <https://tass.ru/politika/7314227> (дата обращения: 25.08.2021).
27. Ремнев А.В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2011. № 3 (62). С. 109—128.
28. Семененко И.С. Национализм, сепаратизм, демократия. Метаморфозы национальной идентичности в «старой» Европе // *Полис. Политические исследования*. 2018. № 5. С. 70—87.
29. Семушин Д.Л. Поморье и поморы: структура одного исторического мифа // *Арктика и Север*. 2012. № 7. С. 45—57.
30. Смирнов А.В. Население мировой Арктики: динамика численности и центры расселения // *Арктика и Север*. 2020. № 40. С. 270—290.
31. Суд в Сыктывкаре оштрафовал отказавшегося говорить не по-коми активиста. 18.02.2021. URL: <https://www.severreal.org/a/31109438.html> (дата обращения: 25.08.2021).
32. Ткаченко М.Р. Трансформация социальной идентичности населения Республики Коми (на примере Ижемского района): дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2018. 179 с.
33. Трубицина О.П., Башкин В.Н. Геополитические вызовы российской Арктике при углеводородном освоении территории // *Арктика и Север*. 2021. № 43. С. 109—127.
34. Тюркский мир присоединяется к Заполярью. 20.12.2021. URL: <https://goarctic.ru/abroad/tyurkskiy-mir-prisoedinyaetsya-k-zapolyaryu/> (дата обращения: 21.01.2022).
35. Фоминых А.Е. В поисках «ниши»: Финно-угорский мир во внешней политике Венгрии, Финляндии и Эстонии // *Национально-государственная организация*

- финно-угорских народов: опыт России и зарубежных стран: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Саранск, 2011. С. 276—286.
36. Хомутов А.В. О противодействии противнику в условиях ведения им «много-сферных операций» // Военная мысль. 2021. № 5. С. 27—41.
37. Шабает Ю.П. Русский Север в процессе деколонизации: социальные и культурные риски на Европейском Севере России // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2015. № 3 (23). С. 106—118.
38. Шабает Ю.П., Садохин А.П. Новые этнополитические конструкты в региональной практике современной России // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 4. С. 62—70.
39. Шабает Ю.П., Садохин А.П. Регионализм и этничность в пространстве публичной политики: идеологии и политические практики // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2012. Т. 8. № 2. С. 126—149.
40. Шабает Ю.П., Садохин А.П., Кузнецова А.Ю., Шилов Н.В. Русский Север в исторической динамике: разрушение проекта культурной кладовой русского народа и современный кризис этнического национализма // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6 (142). С. 125—148.
41. Экономика современной Арктики: в основе успешности эффективное взаимодействие и управление интегральными рисками / под ред. В.А. Крюкова, Т.П. Скуфьиной, Е.А. Корчак. Апатиты: ФИЦ КНЦ РАН, 2020. 245 с.
42. Юрченко Н.Г. Опасные траектории движения этнонационализма // Национальная безопасность в современной России: стратегия противодействия экстремизму и терроризму и перспективы преодоления глобальных проблем: материалы Всерос. науч. конф. Саранск, 2016. С. 109—114.
43. CJADC-2: Combined Joint All Domain Command & Control. 26.02.2021. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ndbHuuzEz_w&t=107s (дата обращения: 21.01.2022).
44. Europe's First Multidomain Task Force Tests High-Altitude Balloons for Targeting in Norway. 18.09.2021. URL: <https://www.defensenews.com/digital-show-dailies/dsei/2021/09/17/europes-first-multidomain-task-force-tests-high-altitude-balloons-for-targeting-in-norway/> (дата обращения: 21.01.2022).
45. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions "A Stronger EU Engagement for a Peaceful, Sustainable and Prosperous Arctic". 13.10.2021. URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/2_en_act_part1_v7.pdf (дата обращения: 21.01.2022).
46. Norgard S. The Human Terrain System: History, Applicability, and Controversy. 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/317370039_The_Human_Terrain_System_History_Applicability_and_Controversy (дата обращения: 25.08.2021).
47. U.S. Army, Air Force Unite in Joint All-Domain Control and Command Structure. 02.10.2020. URL: <https://www.upi.com/Defense-News/2020/10/02/US-Army-Air-Force-unite-in-Joint-All-Domain-Control-and-Command-structure/6881601653690/> (дата обращения: 21.01.2022).
48. U.S. Army in Multi-Domain Operations 2028 UNITED STATES. 10.22.2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0veKALRh6n4> (дата обращения: 21.01.2022).
49. U.S. Department of Defense Announces New Senior Advisor for Arctic Security Affairs. 22.10.2021. URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/2784993/dod-announces-new-senior-advisor-for-arctic-security-affairs/> (дата обращения: 21.01.2022).

REFERENCES

1. Bazhukov V.I., Bezlepkin N.I. Voennaya antropologiya v sisteme voennogo upravleniya [Military Anthropology in the System of Military Management]. *Sotsial'no-gumanitarnye aspekty voennogo upravleniya: sb. nauch. st.* [Socio-Humanitarian Aspect of Military Management: Collection of Scientific Articles]. Ed. by I.I. Sokolova. Saint Petersburg, OOO "Izdatel'stvo VVM" Publ., 2020, pp. 7–17. (In Russ.)
2. Boldyrev V.E. Seti sotsial'nogo vzaimodeystviya i sovremennoe razvitie kanadskogo Severa [Social Interaction Networks and Modern Development of the Canadian North]. *Rossiya i ATR*, 2018, no. 2 (100), pp. 118–132. (In Russ.)
3. Borisov A.A. Istoricheskiy opyt natsiostroitel'stva v Yakutii (1922 — konets 1930-kh gg.) [The Historical Experience of Nation-Building in Yakutia (from 1922 to the Late 1930s)]. *Noveyshaya istoriya Rossii*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 214–232. (In Russ.)
4. Burnasheva D.V. Arkticheskaya identichnost' v kontekste metodologii konstruktivizma [Arctic Identity in the Context of Constructivism Methodology]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*, 2017, vol. 6, no. 5A, pp. 70–77. (In Russ.)
5. *V Respublike Komi vyrastili regional'nogo fyurera* [A Regional Fuhrer Was Raised in the Komi Republic]. 09.08.2021. Available at: <https://www.eg.ru/politics/1291759-v-respublike-komi-vyrastili-regionalnogo-fyurera/> (accessed 21.01.2022). (In Russ.)
6. *V Udmurtii v reklame KPRF zapodozrili separatizm* [In Udmurtia the Communist Party Advertising Was Suspected of Separatism]. 24.08.2021. Available at: <https://vz.ru/news/2021/8/24/1115294.html> (accessed 21.01.2022). (In Russ.)
7. Vinokurova U.A. Prognoзные stsennarii Arkticheskoy tsirkumpolyarnoy tsivilizatsii [Predictive Scenarios of the Arctic Circumpolar Civilization]. *Obrazovanie i pravo*, 2017, no. 6, pp. 277–289. (In Russ.)
8. Vladimirova V. Transnatsional'nye indigennye organizatsii, liberal'nyy mul'tikul'turalizm i narrativy ob "indigenom separatizme" na Severe Rossii [Transnational Indigenous Organizations, Liberal Multiculturalism and Narratives about "Indigenous Separatism" in the North of Russia]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2015, no. 1, pp. 23–56. (In Russ.)
9. *Voyna za Arktiku: Kto i zachem ubezhdaet pomorov v tom, chto oni korennyye norvezhtsy* [War for the Arctic: Who and Why convinces the Pomors That They Are Native Norwegians]. 07.09.2015. Available at: <https://ren.tv/news/v-rossii/46307-voina-za-arktiku-kto-i-zachem-ubezhdaet-pomorov-v-tom-chto-oni-korennyye-norvezhtsy> (accessed 25.08.2021). (In Russ.)
10. *Vsesfernnye amerikanskije ucheniya v Norvegii* [All-Domain Military Exercises in Norway]. 02.10.2021. Available at: <https://andrej-kraft.livejournal.com/260935.html> (accessed 21.01.2022). (In Russ.)
11. Gavrilov O.Yu. Sostoyanie i perspektivy razvitiya sistemy regional'noy bezopasnosti v Arktike [The Status and Prospects for Development of the Regional Security System in the Arctic]. *Voennaya mysl'*, 2019, no. 6, pp. 34–49. (In Russ.)
12. Danilova E.V. Naselenie Rossiyskoy Arktiki: chislennost', protsessy, prognozy [Inhabitants of the Russian Arctic: Population, Processes, Forecasts]. *Innovatsii i investitsii*, 2020, no. 12, pp. 260–265. (In Russ.)
13. Egorin V.G. Pomorskoe dvizhenie kak odno iz napravleniy etnicheskoy reidentifikatsii na Russkom Severe [The Pomor Movement as One of the Directions of Ethnic Identification in the Russian North]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, 2010, no. 4 (17), pp. 185–191. (In Russ.)

14. Eremchev P.A. Rol' i znachenie informatsionno-psikhologicheskogo vozdeystviya v obespechenii gosudarstvennykh interesov Rossii v arkticheskom regione [The Role and Significance of Information and Psychological Impact in Ensuring the State Interests of Russia in the Arctic Region]. *Morskoy sbornik*, 2021, no. 10 (2095), pp. 55—59. (In Russ.)
15. Ivanov V.V. Natsional-separatizm v finno-ugorskikh respublikakh RF i zarubezhnyy faktor [National Separatism in the Finno-Ugric Republics of the Russian Federation and the Foreign Factor]. *Problemy natsional'noy strategii*, 2013, no. 6 (21), pp. 95—110. (In Russ.)
16. Izdanie "7x7" shchedro finansiruyut iz-za rubezha dlya propagandy LGBT [The 7x7 News Website Is Generously Funded for LGBT Propaganda from Abroad]. 15.02.2021. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/802714-izdanie-7x7-shchedro-finansiruiut-iz-za-rubezha-dlya-propagandy-lgbt-v-rf> (accessed 21.01.2022). (In Russ.)
17. Il'nitskiy A.M. Obespechenie intellektual'nogo liderstva — osnova natsional'noy bezopasnosti [Ensuring Intellectual Leadership Is the Basis of National Security]. *Voennaya mys'*, 2021, no. 1, pp. 6—21. (In Russ.)
18. Kim H.Ch., Shabaev Yu.P., Istomin K.V. Lokal'naya gruppa v poiske identichnosti (komi-izhemtsy: dinamika kul'turnykh transformatsiy) [The Local Group in Search of Identity (Komi-Izhemtsy: Dynamics of Cultural Transformations)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015, no. 8 (376), pp. 85—92. (In Russ.)
19. Kristalinskiy L.B. Geopoliticheskiy aspekt vliyaniya etnicheskoy spetsifiki pogrannichnogo prostranstva na gosudarstvennyuyu bezopasnost' Rossii [The Geopolitical Aspect of the Influence of the Ethnic Specifics of the Border Area on the State Security of Russia]. *Prostranstvo i Vremya*, 2015, no. 3 (21), pp. 242—248. (In Russ.)
20. Kuznetsov S.V., Mezhevich N.M., Eydemiller K.Yu. Prognozirovaniye dinamiki razvitiya i transformatsii musul'manskogo naseleniya Severa Rossii i Arkticheskoy zony RF: k postanovke voprosa [Forecasting the Dynamics of Development and Transformation of the Muslim Population of the North of Russia and the Arctic Zone of the Russian Federation: Raising a Question]. *Sever i rynek: formirovaniye ekonomicheskogo poryadka*, 2019, no. 2 (64), pp. 37—50. (In Russ.)
21. Kulik S.V., Eydemiller K.Yu. K voprosu ob islamskom regionalizme v Arkticheskoy zone RF [On the Question of Islamic Regionalism in the Arctic Zone of the Russian Federation]. *Arktika: istoriya i sovremennost'*: trudy mezhdunar. nauch. konf., Sankt-Peterburg, 20—21 aprelya 2016 g. [The Arctic: History and Contemporaneity: Proceedings of the International Scientific Conference, Saint-Petersburg, 20—21 April 2016]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2016, pp. 89—96. (In Russ.)
22. Labetskaya E.O. Rossiya—ES: "soft-power risks" v evraziysko-arkticheskoy kontekste [Russia-EU: "Soft-Power Risks" in the Eurasian-Arctic Context]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 62, no. 9, pp. 112—120. (In Russ.)
23. *Mezhdunarodnye otnosheniya v Arktike*. Ucheb.-metod. materialy no. 3/2017. Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD) [International Relations in the Arctic. Methodological Materials No. 3/2017. Russian International Affairs Council (RIAC)]. Moscow, 2017, 76 p. (In Russ.)
24. *Ne smotret' v rot Moskovii i EdRosovskoy svore* [Do Not Look into the Mouth of Muscovy and the United Russia Gang]. 07.06.2019. Available at: <https://region.expert/dorjam/> (accessed 25.08.2021). (In Russ.)
25. *Norvezhskaya myagkaya sila v bor'be za Arktiku: kak "barentsy" menyayut v svoyu pol'zu budushchee* [Norwegian Soft Power in the Struggle for the Arctic: How the "Barents" Change the Future in Their Favor]. 10.09.2015. Available at: <https://>

- eadaily.com/ru/news/2015/09/10/norvezhskaya-myagkaya-sila-v-borbe-za-arktiku-kak-barency-menyayut-v-svoyu-polzu-budushchee (accessed 25.08.2021). (In Russ.)
26. Putin schitaet, chto Lenin “zalozhil minu” pod gosudarstvennost’ Rossii [Putin Believes that Lenin “Laid a Mine” under the Statehood of Russia]. 10.12.2019. Available at: <https://tass.ru/politika/7314227> (accessed 21.01.2022). (In Russ.)
 27. Remnev A.V. Natsional’nost’ “sibiriyak”: regional’naya identichnost’ i istoricheskiy konstruktivizm XIX v. [Nationality “Siberian”: Regional Identity and Historical Constructivism of the 19th Century]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki)*, 2011, no. 3 (62), pp. 109—128. (In Russ.)
 28. Semenenko I.S. Natsionalizm, separatizm, demokratiya. Metamorfozy natsional’noy identichnosti v “staroy” Evrope [Nationalism, Separatism, Democracy. Metamorphoses of National Identity in “Old” Europe]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2018, no. 5, pp. 70—87. (In Russ.)
 29. Semushin D.L. Pomor’e i pomory: struktura odnogo istoricheskogo mifa [Pomor’e and Pomors: The Structure of a Historical Myth]. *Arktika i Sever*, 2012, no. 7, pp. 45—57. (In Russ.)
 30. Smirnov A.V. Naselenie mirovoy Arktiki: dinamika chislennosti i tsentry rasseleniya [The Inhabitants of the World Arctic: Population Dynamics and Settlement Centers]. *Arktika i Sever*, 2020, no. 40, pp. 270—290. (In Russ.)
 31. Sud v Syktyvkare oshtrafoval otkazavshegosya govorit’ ne po-komi aktivista [Syktyvkar Court Fined the Activist Who Refused to Speak the Komi Language]. 18.02.2021. Available at: <https://www.severreal.org/a/31109438.html> (accessed 21.01.2022). (In Russ.)
 32. Tkachenko M.R. *Transformatsiya sotsial’noy identichnosti naseleniya Respubliki Komi (na primere Izhevskogo rayona)*: dis. ... kand. sotsiol. nauk [Transformation of the Social Identity of the Population of the Komi Republic (on the Example of the Izhevsky District)]. PhD in sociol. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2018, 179 p. (In Russ.)
 33. Trubitsina O.P., Bashkin V.N. Geopoliticheskie vyzovy rossiyskoy Arktike pri uglevododnom osvoenii territorii [Geopolitical Challenges to the Russian Arctic in the Hydrocarbon Development of the Arctic]. *Arktika i Sever*, 2021, no. 43, pp. 109—127. (In Russ.)
 34. Tyurkskiy mir prisoedinyaetsya k Zapolyar’yu [The Turkic World Joins the Arctic]. 20.12.2021. Available at: <https://goarctic.ru/abroad/tyurkskiy-mir-prisoedinyaetsya-k-zapolyaryu/> (accessed 21.01.2022). (In Russ.)
 35. Fominykh A.E. V poiskakh “nishi”: Finno-ugorskiy mir vo vneshney politike Vengrii, Finlyandii i Estonii [In Search of a “Niche”: “The Finno-Ugric World in the Foreign Policy of Hungary, Finland and Estonia]. *Natsional’no-gosudarstvennaya organizatsiya finno-ugorskikh narodov: opyt Rossii i zarubezhnykh stran: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem* [The National State Organization of the Finno-Ugric Peoples: The Experience of Russia and Foreign Countries: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation]. Saransk, 2011, pp. 276—286. (In Russ.)
 36. Khomutov A.V. O protivodeystvii protivniku v usloviyaykh vedeniya im “mnogosfernnykh operatsiy” [On Counteracting the Enemy under the Conditions of his “Multidimensional Operations”]. *Voennaya mysl’*, 2021, no. 5, pp. 27—41. (In Russ.)
 37. Shabaev Y.P. Russkiy Sever v protsesse dekolonizatsii: sotsial’nye i kul’turnye riski na Evropeyskom Severe Rossii [The Russian North in the Process of Decolonization: Social and Cultural Risks in the European North of Russia]. *Izvestiya Komi nauchno-gos. tsentra UrO RAN*, 2015, no. 3 (23), pp. 106—118. (In Russ.)
 38. Shabaev Yu.P., Sadokhin A.P. Novye etnopoliticheskie konstrukty v regional’noy praktike sovremennoy Rossii [New Ethnopolitical Constructs in the Regional

- Practice of Modern Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, seriya 19, Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya, 2012, no. 4, pp. 62–70. (In Russ.)
39. Shabaev Yu.P., Sadokhin A.P. Regionalizm i etnichnost' v prostranstve publichnoy politiki: ideologii i politicheskie praktiki [Regionalism and Ethnicity in Terms of Public Policy: Ideologies and Political Practices]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 2012, vol. 8, no. 2, pp. 126–149. (In Russ.)
 40. Shabaev Yu.P., Sadokhin A.P., Kuznetsova A.Yu., Shilov N.V. Russkiy Sever v istoricheskoy dinamike: razrushenie proekta kul'turnoy kladovoy russkogo naroda i sovremennyy krizis etnicheskogo natsionalizma [The Russian North in Historical Dynamics: The Destruction of the Project of the Cultural Storehouse of the Russian People and the Modern Crisis of Ethnic Nationalism]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2017, no. 6 (142), pp. 125–148. (In Russ.)
 41. *Ekonomika sovremennoy Arktiki: v osnove uspeshnosti effektivnoe vzaimodeystvie i upravlenie integral'nymi riskami* [The Economy of the Modern Arctic: Effective Interaction and Integrated Risk Management as a Basis of Success]. Ed. by V.A. Kryukov, T.P. Skuf'ina, E.A. Korchak. Apatity, FITs KNTs RAN, 2020, 245 p. (In Russ.)
 42. Yurchenkova N.G. Opasnye traektorii dvizheniya etnonatsionalizma [Dangerous Trajectories of the Ethnonationalism Movement]. *Natsional'naya bezopasnost' v sovremennoy Rossii: strategiya protivodeystviya ekstremizmu i terrorizmu i perspektivy preodoleniya global'nykh problem: materialy Vseros. nauch. konf.* [National Security in Modern Russia: Strategy of Counteracting Extremism and Terrorism and Prospects for Overcoming Global Problems: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference]. Saransk, 2016, pp. 109–114. (In Russ.)
 43. *CJADC-2: Combined Joint All Domain Command & Control*. 26.02.2021. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=ndbHuuzEz_w&t=107s (accessed 21.01.2022). (In Eng.)
 44. *Europe's First Multidomain Task Force Tests High-Altitude Balloons for Targeting in Norway*. 18.09.2021. Available at: <https://www.defensenews.com/digital-show-dailies/dsei/2021/09/17/europes-first-multidomain-task-force-tests-high-altitude-balloons-for-targeting-in-norway/> (accessed 21.01.2022). (In Eng.)
 45. *Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions "A Stronger EU Engagement for a Peaceful, Sustainable and Prosperous Arctic"*. 13.10.2021. Available at: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/2_en_act_part1_v7.pdf (accessed 21.01.2022). (In Eng.)
 46. Norgard S. *The Human Terrain System: History, Applicability, and Controversy*, 2015. Available at: https://www.researchgate.net/publication/317370039_The_Human_Terrain_System_History_Applicability_and_Controversy (accessed 25.08.2021). (In Eng.)
 47. *U.S. Army, Air Force Unite in Joint All-Domain Control and Command Structure*. 02.10.2020. Available at: <https://www.upi.com/Defense-News/2020/10/02/US-Army-Air-Force-unite-in-Joint-All-Domain-Control-and-Command-structure/6881601653690/> (accessed 21.01.2022). (In Eng.)
 48. *U.S. Army in Multi-Domain Operations 2028 UNITED STATES*. 10.22.2019. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=OveKALRh6n4> (accessed 21.01.2022). (In Eng.)
 49. *U.S. Department of Defense Announces New Senior Advisor for Arctic Security Affairs*. 22.10.2021. Available at: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/2784993/dod-announces-new-senior-advisor-for-arctic-security-affairs/> (accessed 21.01.2022). (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 08.02.2022